

Константин РАЙКИН:

«НЕ ЛЮБЛЮ ТУСОВОК»

В театре «Сатирикон» уже идет продажа билетов на заключительную премьеру сезона — спектакль «Такие свободные бабочки» в постановке Константина Райкина. Зрители познакомятся с ней в самом конце июля. Жаль лишь, что ни на сцене, ни на пленке им не удастся увидеть репетиций Райкина, каждая из которых сама по себе — захватывающий спектакль.

блю людей, чересчур уверенных в своей самодостаточности. Человек всегда ведом, хотя бы Богом. «Ты сам свой высший суд», по-моему, все-таки сказано по отношению к толпе. Желательно, чтобы в этот суд входили и те, кому ты веришь, чьим мнением дорожишь, — тем больше, чем оно строже и нелюбезнее.

— Кто ваш личный «высший суд»?

— У меня есть авторитеты и в нашем театре, и за его стенами, и, между прочим, среди постоянных зрителей. Ведь зрительская оценка, в конце концов, решающая. Вообще, актеры — счастливые люди. Мы имеем дело с лучшей частью человечества или, конкретизируя, — России, Москвы. Жлобы, как правило, в театр не ходят.

— Какой тип драматургии вам по сердцу?

— Поэтический. Под поэзией я подразумеваю не рифмованный текст, а особую — концентрированную и смещенную под определенным углом — сценическую реальность. Это позволяет показать некоторые грани жизни более выпукло, выявить процессы, обычно скрытые от глаза. В моем представлении, идеальная пьеса — та, где метафизика человеческого бытия закована в энергичную,

мускулистую форму.

— «Такие свободные бабочки» отвечают этим требованиям?

— В большой степени. В них заложен достаточный потенциал, чтобы сделать спектакль глубоким и сжатым, без мелодраматических эффектов. Пьеса пронзительная, душевная, и при этом — компактная. Всего четыре персонажа. Действие происходит в одной комнате, почти в натуральном времени. Когда глобальные проблемы человеческих взаимоотношений решаются в камерной обстановке, скупыми средствами, меня это необычайно подкупает.

— И все-таки репертуару «Сатирикона» недостает классики...

— Нам надо немного «подрасти». Обязательно будут и Шекспир, и Островский, и Гоголь, и Булгаков... Чтобы сохранить заявленное нами право на экстравагантность формы, в трактовке классики, особенно русской, нужно быть предельно убедительными. Иначе знатоки и псевдознатоки устроят на нас облаву, как на браконьеров.

— Актер Константин Райкин испытывает в чем-нибудь творческий «авитаминоз»?

— Я уже больше года не играю ничего нового. Это не авитаминоз, а настоящий голод. И, к сожалению, начинают тревожить обыч-

ные возрастные актерские сожаления: не успел, упустил, опоздал...

— Почему вы практически не выступаете в Москве?

— Не хочу бесконечно эксплуатировать то, что большинство уже видело. Свой творческий вечер «Давай, артист!» я сознательно снял с репертуара и теперь прокатываю по провинции.

— В последнее время вы становитесь «модным» актером. Вам это льстит?

— Это волнует меня лишь в той степени, в какой моя личная популярность может способствовать росту популярности нашего театра. Для меня самого намного важнее, чтобы меня понимали, а не узнавали на улицах.

— «Богемный» образ жизни вам чужд?

— Абсолютно. Если бы я откликнулся на все приглашения, то мелькал бы на телеэкране по пять раз на дню. Это я еще привередничаю... Ничего не имею против актерских тусовок, но мне они неинтересны, да и времени жалко. Есть в жизни вещи принципиально важные, а есть — необязательные.

— Вы так же привередливы и в отношении легких заработков?

— Я не стану сниматься в плохом фильме, все равно — у нас или за границей. Работать в чужом театре. Ставить танцевальные номера для ночных кабаре. Много раз отказывался от концертных поездок по Америке. Во всем этом нет никакого героизма — мне гораздо легче отказаться, чем согласиться. Я не беспробитник, но в первую очередь меня интересует работа, а уже потом — заработок. Еще не напечатаны те деньги, ради которых я согласился бы измениться.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.

— Вы считаете режиссуру своей полноправной второй профессией?

— Нет. Я всегда вздрагиваю от слова «режиссер», если оно адресовано мне. Наверное, я никогда окончательно не примирюсь с собой в этом качестве. Моя основная задача — помочь молодым актерам, поделиться с ними профессиональным опытом. Я скорее педагог, нежели режиссер. Для меня гораздо естественнее и легче звучит звание «художественный руководитель», то есть лидер театра, определяющий его лицо в целом.

— Трудно постоянно быть лидером?

— Конечно, трудно. Я не лю-